

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81:34

Венгранович Марина Александровна
Vengranovich M. A.

Доктор филологических наук, доцент, профессор
Doctor of Philological Science, Professor
ФГБОУ ВПО «Тольяттинский государственный университет», АНО ВО «Поволжский
православный институт имени Святителя Алексия»
Togliatty State University, Volga Orthodox Institute
e-mail: wmaphil@mail.ru

К проблеме юрлингвистической интерпретации оценочных высказываний в медиа-тексте

The problem of juridical and linguistic interpretation of estimated statements in media text

Аннотация

В статье автор останавливается на проблеме разграничения оценочных и дескриптивных высказываний в медиа-тексте и возможности ее разрешения в рамках юрлингвистической парадигмы знания.

Abstract

The article focuses on the problem of distinction of objective and subjective statements in media text and possibility of solution this problem in juridical and linguistic paradigm of science.

Ключевые слова: *оценочные высказывания, дескриптивные высказывания, объективная и субъективная модальность, формальный, семантический и прагматический факторы, медиа-текст.*

Index terms: *estimated statements, descriptive statements, objective and subjective modality, formal, semantic and pragmatical factors, media text.*

На сегодняшний день при разрешении юридических споров, касающихся распространения порочащих какое-либо лицо высказываний, «центральной проблемой, от решения которой зависит судьба дела и ответственность публикатора, является постоянно дискутируемый вопрос о различении факта и мнения в текстах средств массовой информации» [8, с. 231]. Как показывает экспертная практика, данная проблема особым образом трансформируется в собственно лингвисти-

ческую проблему противопоставления фактитивных (дескриптивных) высказываний, описывающих реальное положение дел в категориях объективной модальности, и оценочных высказываний (в широком смысле, включая мнение-оценку и мнение-предположение), выражающих субъективную картину мира говорящего в категориях субъективной модальности, которая при всей ее актуальности и значимости до сих пор остается не разрешенной. Причин этому несколько. Однако, на наш взгляд, главная причина – в сложности разграничения *субъективного* и *объективного* в целом, поскольку в онтологическом плане расчленение высказывания на рациональный (фактологический) и эмоциональный пласты представляется недостаточно правомерным: конкретное высказывание всегда есть продукт мышления субъекта и изначально детерминировано как субъективный акт (и по форме, и по содержанию). Г.В. Колшанский, детально исследовавший данную проблему, отмечал: «Познавательный акт как некоторый фрагмент мыслительной деятельности человека уже по своей природе содержит так называемый оценочный момент, который и есть не что иное, как произведенная субъектом мыслительная операция над предметом высказывания (восприятие, понимание, обобщение, заключение и т.д.), что представляет собой «оценку» в самом широком понимании» [5, с.142]. Такой подход предполагает понимание любого высказывания как двухуровневого образования, в котором на объективную, фактическую информацию накладывается субъективный момент. Логическим следствием этого является понимание градуальности шкалы «объективность-субъективность» и выделение в рамках лингвистических исследований по крайней мере трехчленной типологии спорных высказываний: *фактологические (дескриптивные) высказывания – оценочные высказывания (в широком смысле) – оценочные высказывания с дескриптивным компонентом*. О необходимости выделять в оценочном высказывании дескриптивного компонента говорила и Е.М.Вольф: «Присутствие в оценке дескриптивного фактора, отражающего объективные свойства предметов и событий, заставило предположить, что утверждение о том, что оценки не являются истинными, ни ложными, нуждается в пересмотре» [2, с.35].

Как видим, лингвистическая и юридическая оппозиции принципиально расходятся в типологических характеристиках высказываний, что осложняет процесс однозначной квалификации высказываний экспертом. Выход из этой ситуации видится в целесообразности использования при юрислингвистической интерпретации оценочных и дескриптивных (описательных) высказываний трех основных факторов:

формального, учитывающего наличие/отсутствие языковых показателей утверждения, оценки, мнения и предположения; *семантической*, выявляющего в содержательной стороне высказывания информации объективного и субъективного свойства, и *прагматического* фактора, определяющего готовность адресанта высказывания взять на себя ответственность (или наоборот – снять с себя ответственность) за истинность сообщаемой информации. Необходимость учета комплекса факторов можно проследить на примере функционирования вводных конструкций в масс-медийном тексте.

Традиционно считается, что к формальным показателям субъективно-модальных значений в высказывании относятся **вводные компоненты**, которые не изменяют общей структурно-семантической схемы предложения, но обогащают ее разнообразными субъективно-модальными смыслами. Однако вводные компоненты являются не только субъективно-модальными квалификаторами в высказывании, но и служат определенным прагматическим целям – выразить собственную оценку степени достоверности/ недостоверности сообщаемого (уверенность, предположение, возможность, неуверенность) или дополнительно убедить адресата в достоверности передаваемых сведений, т.е. усилить истинностный компонент высказывания (его фактологичность). Отмеченные семантические свойства вводных компонентов позволяют рассматривать их как один из возможных критериев разграничения фактологических (передающих информацию о событии) и оценочных (в широком смысле) высказываний (выражающих субъективное отношение к сообщаемому) в практике проведения лингвистических исследований публицистических текстов при разрешении информационных судебных споров.

Это касается тех высказываний, в которых мнение-оценка выдается за знание (соответственно, неverifiedируемая пропозиция – за verifiedируемую): *Действительно, рано утром 18 февраля в частях двух военных округов провели внезапную проверку, чего у нас не было 20 лет* [АиФ, 2013, №9]; *Бесспорно, что нынешний финансовый (а не экономический) кризис начался в США, причём в секторе, представляющем около 1,4% экономики* [АиФ, 2013, №8]. В данных примерах информация, передаваемая автором и маркируемая вводным компонентом, через семантику вводного компонента (*действительно* – «употр. для указания на достоверность высказывания, на его подтверждение» [6, с.103]; *бесспорно* – «употр. для выражения того, что говорящий совершенно уверен в достоверности, истинности высказывания, считает их неоспоримыми» [6,с.34]) может дополнительно усиливать впечатление достоверности передаваемого сообщения и тем самым

служить весомым убеждающим фактором для реципиента. В этом случае создается многоплановость высказывания в отношении интенции говорящего и объективности информации для восприятия слушающего (читающего): автор, маркируя высказывание формальным субъектно-модальным квалификатором, создает утверждение особой экспрессивной силы, проявляющее интенцию говорящего в конкретном высказывании – выразить собственную уверенность в достоверности события и, тем самым, дополнительно убедить в этом воспринимающего текст субъекта. Это позволяет говорить о многозначности языковой формы и неправомочности ее односторонней интерпретации.

Это же положение наглядно проявляется и при анализе высказываний, содержащих оценочный компонент. Высказывания о **оценочной информации** (т. наз. частнооценочные высказывания), в связи со сказанным выше, должны анализироваться с разложением на **фактический** компонент, подлежащий верификации, и собственной **оценочный** (субъективный) компонент, не подлежащий верификации. В качестве примера можно привести экспертный анализ фразы «*Лидеру компартии Геннадию Зюганову предложили избавиться от сомнительного соратника*». В данной фразе имеется негативная информация об одном из соратников Г. Зюганова, который имеет не внушающую доверия («запятнанную») репутацию (данный смысл актуализируется в слове *сомнительный* – «вызывающий сомнения, подозрение в чем-нибудь, непроверенный. Сомнительная личность. Человек с сомнительным прошлым (с темным прошлым)» [7, с. 745]. В контексте анализируемой статьи выражение *сомнительный соратник* имеет значение «человек, не внушающий доверия, репутация которого основана на злоупотреблениях в сфере в профессиональной деятельности» (данное значение конкретизируется через указание на те факты профессиональной деятельности С. Ракитина, обеспечившие ему не внушающую доверия репутацию (отмечается, что он обанкротил и разорил не одно крупное предприятие в Самарской области и помог приобрести многомиллионное состояние бизнес-структуре, к которой имеет непосредственное отношение). Хотя данная негативная информация в целом имеет оценочный характер (в ней вычленяется оценочный компонент «плохой»), в значении слова *сомнительный* присутствует и дескриптивный компонент, указывающий на непрофессионализм и злоупотребления в сфере в профессиональной деятельности С. Ракитина. В этой (дескриптивной) части оценочное выражение *сомнительный соратник* может быть подвергнуто процедуре верификации.

Однако в проблеме интерпретации оценочных высказываний можно вычлениить и другой аспект – приобретение дескриптивными высказываниями оценочного компонента, не зафиксированного в словарях и выводимого из контекста употребления либо из фоновых знаний, сформированных в результате тиражирования оценочного смысла в СМИ. Так, в региональном еженедельнике «Хронограф» [08.06.2009г., №21] в статье «В поисках саморекламы» автор употребил в отношении АНО «Академия развития Светланы Пеуновой» номинацию *секта*: *Ясно одно: сторонники Пеуновой такими действиями работают на имидж оккультной деструктивной секты.*

В данном фрагменте содержится информация о том, что действия сторонников Пеуновой позволяют рассматривать возглавляемую ею партию «Воля» как некое подобие оккультной деструктивной секты. Следует отметить, что в научном религиоведении понятие *оккультная деструктивная секта* не используется, вместо него религиоведы употребляют синонимичное понятие «новое религиозное движение» (НРД), которое служит для обозначения религиозных организаций и групп, отличающихся по вероисповеданию от «традиционных» религий. Ключевое слово в данном понятии – *секта* – также неоднозначно трактуется в научной литературе по различным отраслям знания. Так, лингвисты определяют *секту* как «1) религиозное объединение, отделившееся от какого-нибудь вероучения и ему противостоящее; 2) группу лиц, замкнувшуюся в своих мелких, узких интересах [7, с.708]; сектоведы – как «закрытую религиозную группу, противопоставляющую себя основной культуuroобразующей религиозной общине (или основным общинам) страны или региона», религиоведы – как «один из типов религиозных организаций», один из существенных признаков которой – «неприятие мира, добровольное и сознательное вступление (обращение), отсутствие бюрократической организации, менее формализованное и более эмоциональное богослужение [10].

Как видим, толкования понятия *секта*, зафиксированные в современных словарях и справочниках, не содержат указания в виде отдельной семы на негативную оценку данного явления. Однако традиции употребления слова *секта* в различных СМИ, а также политика отдельных представителей РПЦ в отношении новых религиозных организаций сформировали определенный негативно оценочный стереотип в сознании аудитории при восприятии данного слова. Аналогичная смысловая трактовка понятия *секта* нашла отражение и в Решении № 4 (138) от 12.02.1998 г. Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ, в котором было отмечено, что «в законодательстве Российской Федерации не существует такого поня-

тия как „секта“, в то же время данный термин в силу сложившихся в обществе представлений несёт, безусловно, негативную смысловую нагрузку...».

Кроме того, негативный смысловой потенциал данного слова увеличивается за счет употребления в сочетании с атрибутивными компонентами *деструктивная* и *окултная*, которые содержат в своей семантике (вне употребления в сочетании с термином *секта*) негативные компоненты смысла или ассоциации с ними: *деструктивный* – «ведущий к разрушению чего-либо, разрушительный, неплодотворный» Современный словарь иностранных слов. М., 1993, с.191); *окултный* – от *окултизм* – «общее название мистических учений, признающих существование в мире таинственных, сверхъестественных сил, недоступных рациональному познанию, но доступных якобы познанию «избранных», «посвященных» [9, с.420]. При этом исследователи отмечают, что понятия «тоталитарная секта» и «деструктивная секта» (или «деструктивный культ») являются бессодержательными, поскольку в силу размытости определяющих характеристик позволяют причислять к таким объединениям практически любое религиозное новообразование, религиозно-философское учение, культурно-образовательное учреждение. Данные термины, как считают ученые, используются главным образом с идеологическими целями – создания негативного образа религиозных объединений. Кроме того, по итогам расширенного заседания Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по общественному контролю за деятельностью правоохранительных органов и реформированием судебной-правовой системы в резолюции «О мерах по противодействию различным формам насилия над детьми» от 27 января 2009 года была дана рекомендация Правительству Российской Федерации ввести в уголовное законодательство определение понятия «тоталитарная секта» («деструктивный культ») и установление уголовной ответственности за их деятельность.

Соответственно, сказанное выше о семантическом объеме понятия *секта* и смежных с ним понятий позволяет говорить о том, что многочисленные контексты употребления данного понятия способствуют закреплению в нем негативно оценочного смысла и, соответственно, приобретение дескриптивным высказыванием оценочного компонента, вычлняемого при исследовании спорных (конфликтных) текстов.

Таким образом, следует констатировать, что проблема юрлингвистической интерпретации оценочных (в широком смысле) высказываний, по-новому поставленная и актуализированная в современной экспертной практике, не может считаться разрешенной на се-

годняшний момент, поскольку обусловлена целым рядом причин (как собственно онтологического свойства, так и методического – отсутствием на сегодняшний момент единой, принятой всем экспертным сообществом методики анализа высказываний в аспекте разграничения дескриптивных и оценочных высказываний). Один из путей решения данной проблемы видится в целесообразности использования при юрислингвистической интерпретации оценочных и дескриптивных (описательных) высказываний комплекса факторов: *формального*, учитывающего наличие/отсутствие языковых показателей утверждения, оценки, мнения и предположения; *семантического*, выявляющего в содержательной стороне высказывания информации объективного и субъективного свойства, и *прагматического* фактора, определяющего готовность адресанта высказывания взять на себя ответственность (или наоборот – снять с себя ответственность) за истинность сообщаемой информации.

Литература:

1. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А.Н. Баранов. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 259 с.
2. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 280 с.
3. Губаева, Т. Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации / Т. Губаева, М. Муратова, Б. Пантелеев // Российская юстиция. – 2002. – №4. – С.64-65.
4. Дворкин, А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования / А.Л.Дворкин.– М.: Христианская библиотека, 2007.
5. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В.Колшанский. – М.: Изд-во «Наука», 1975. – 232 с.
6. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: Около 1200 единиц / Под ред. В.В.Морковкина. – 2-е изд., испр. – М., 2002.
7. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. – 2й3-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1990. –917 с.
8. Ратинов, А.Р. Когда не стесняются в выражениях...: Послесловие юриста / А.Р.Ратинов// Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. – 3-е изд. – М., 2002.– С.227-237.
9. Современный словарь иностранных слов.– М.: Русский язык, 1993.–740 с.
10. Энциклопедический словарь. – М.: Академический Проект, 2006.

Венгранович М.А.

К проблеме юрислингвистической интерпретации оценочных высказываний в медиатексте / IX Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: Сб. науч. работ. – Севастополь-Москва: Изд-во «Перо», 2016. – С.119-125.